

ИСПОВЕДЬ СМЕРТНОГО ГРЕХА

ТОМ 2

МАКС БАЛТЕР

Макс Вальтер

Исповедь смертного греха 2

<https://litres.ru/73945121>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новая планета, новая гравитация, новый мир, в котором нет места слабости.

Тренировочная база «Монолит» — место, где стирают прошлое и строят будущее. Где из вчерашних детей делают солдат, способных выжить в любой точке галактики. Здесь другие правила, другие законы, другие учителя, а каждое движение оттачивается до рефлекса.

Я прошёл первый круг и доказал, что достоин. Теперь мне предстоит узнать, что такое настоящая подготовка, дисциплина и сила. Я стану быстрее и сильнее, стану тем, кого невозможно сломать.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Макс Вальтер

Исповедь смертного греха 2

Глава 1

Глава 1.

Ужасный новый мир

На этот раз полёт через космос ничем особенным не запомнился. Нас вырубили сразу, буквально за минуту до взлёта. А очнулись мы уже после посадки. И я моментально почувствовал, что мы на другой планете. Вернулась привычная тяжесть, в которой я родился и вырос. Сердце тут же дало сбой, так как я решил, что нас вернули домой. Хотел даже возмутиться по этому поводу, но затем бросил взгляд в иллюминатор.

Нет, это точно не дом. У нас не было деревьев, только голые камни. За толстым стеклом расстилался лес. Но не тот, что показывают в учебных голограммах, не земной, не палантинский. Этот лес был чужим. Деревья, если это вообще были они, росли не вверх, а вширь. Их стволы, толстые, приземистые, напоминали оплывшие свечи серо-зелёного оттенка, а кроны расходились невысоко над землёй, образуя плотный полог, сплетённый из жёстких, похожих на

проволоку, ветвей. Тёмные листья, почти чёрные, с восковым отливом, росли не вдоль веток, а пучками, словно щетина. Они не дрожали на ветру, потому что ветра не было. Воздух стоял неподвижный, густой, насыщенный влагой. Я почувствовал его, когда он ворвался через открытый шлюз шаттла.

Земля — вернее, то, что просматривалось под деревьями, — была устлана мхом необычного оттенка. Он выглядел бурым, с эдакими вкраплениями ржавчины. Местами он поднимался буграми, обтекая валуны. Округлые, гладкие, словно облизанные.

Небо над лесом висело низко. Так, что казалось, до него можно дотянуться рукой. Облака плотные, слоистые, желтовато-серого оттенка и неподвижные, как гигантские потолочные плиты. Солнца не видно, только рассеянный, тусклый свет, который словно сочился сквозь толщу облаков, окрашивая всё в оттенки охры и ржавчины. Тени от деревьев казались размытыми и неестественно длинными, несмотря на явный день.

Я попытался разглядеть что-то ещё, но взгляд упёрся в стену леса. Ни просеки, ни тропы, ни единого признака присутствия человека. Только этот чужой, враждебный ландшафт.

В иллюминаторе отразилось моё лицо, бледное, с тёмными кругами под глазами. На скуле расплылся огромный синяк от встречи с прикладом ШОКовца. Я смотрел на себя и

не узнавал. Хотя нет, узнавал, но это был уже не тот мальчик, что год назад перебирал камни в шахте. Что-то во мне изменилось, и не только в чертах.

Шаттл стоял неподвижно. Где-то в хвосте слышались голоса. Кажется, Санёк пытался разбудить Мишку. Я же не мог оторвать взгляда от леса за стеклом. Что-то в нём было неправильное. Не только в деревьях и небе. Что-то в самом воздухе, в том, как двигались тени, в том, как давила на плечи тяжесть.

Я попытался подняться. Ноги слушались с трудом, но это было привычно, ведь я родился и вырос при двух G. Тело быстро вспоминало старые настройки. Медленно, опираясь на поручень, я встал и снова бросил взгляд наружу.

На небольшой площадке копошились люди, выгружая из шаттла ящики. С хрустом сухих веток к нам подъехал тяжёлый погрузчик и подхватил на клыки первый поддон. И я нисколько не удивился, когда увидел, как он спустился под землю по наклонному пандусу. Где-то вдалеке раздался грохот орудий, но никто и бровью не повёл, видимо, это сработала автоматическая защита периметра.

— Выходим! — рявкнул боец ШОКа, заглянув в салон.
— Все проснулись?

— Да, — ответил Санёк, помогая Мишке подняться.

— Добро пожаловать на тренировочную базу «Монолит»,
— криво ухмыльнулся боец и вышел из шаттла.

Мы сделали это, мы смогли. Настал следующий этап на-

шей жизни, и теперь только от нас зависит, кем мы станем. Пройдём ли дальше, или наша карьера прервётся здесь, так и не успев начаться. Впрочем, упорства нам не занимать.

Помогая друг другу, мы покинули шаттл. Смотреть здесь было особо не на что, тем не менее мы крутили головами на все триста шестьдесят. Нам всё казалось необычным и странным. К тому же как знать, сколько времени мы проведём под поверхностью и когда в следующий раз сможем насладиться видами окружающей и такой чужой природы.

Вдалеке снова загрела очередь, а затем раздался истошный вопль раненого зверя. Мы замерли и принялись крутить головами.

— Не ссыте, всё под контролем. — Боец подтолкнул нас в спину.

— А что это было? — поинтересовался Санёк.

— Не знаю, — пожал плечами ШОКовец. — Какая-то местная скотина попыталась прорвать периметр.

Было интересно наблюдать, как бойцы изменили к нам отношение. Ещё вчера они бы даже не покосились в нашу сторону, не то что отвечать на вопросы. А сейчас вон чего, улыбается, принимает за своих.

— Спускайтесь на базу. — Он махнул рукой в сторону пандуса. — Там вас встретят и всё покажут.

— Спасибо, — буркнул Мишка, продолжая осматриваться.

Спуск много времени не занял. База располагалась не так

глубоко, как наши шахты на Осколке. Всего метров десять, максимум — пятнадцать. Видимо, просто для того, чтобы защитить нас от местной фауны. Ведь не просто так периметр защищают автоматическими турелями. Похоже, звери здесь не отличаются дружелюбностью.

— Так, стоять! — остановил нас какой-то парень. — Фамилии.

— Пересветова, Горячев, Замотаев и Литвинов, — за всех нас ответила Дашка.

Парень сверил данные на голографическом экране, которые висел перед его лицом, и, кивнув, указал рукой, куда нам следовать дальше.

— Странный какой-то, — пробормотал Мишка. — Можно подумать, сюда привезли кого-нибудь левого.

— Это просто порядок, — вкрутила своё мнение Дашка.

— А мне здесь нравится, — произнёс Санёк, осматривая стены с улыбкой. — Чувствуется, что у них всё серьёзно.

— Эй, малышня! — окликнул нас очередной встречающий, — Долго вас ждать? Шевелите булками, вы не на прогулке. Давай, давай, заходим!

С характерным шипением двери разъехались в стороны, и мы вошли в огромное помещение. Я замер, осматривая каждый элемент вокруг. Это был не спортзал и не казарма, скорее гигантский ангар, совмещённый с учебным полигоном. Пол здесь был не пластиковый, а бетонный, с металлическими вставками, по нему тянулись направляющие для колёс-

ной техники. Кое-где на них стояли машины.

Прямо перед нами, метрах в двадцати, замерла боевая броня. Тяжёлый экзоскелет, раза в полтора выше человеческого роста. Его пилот, молодой парень в сером комбинезоне, свесился из открытой кабины и внимательно слушал инструктора, коренастого сержанта с хмурым лицом. Тот что-то объяснял, тыкая пальцем в сочленения манипуляторов, а вокруг столпились ещё несколько курсантов. Один из них, судя по жестам, задавал вопросы.

Чуть дальше, в двигательном отсеке лёгкого разведывательного багги, приподнятого на домкратах, ковырялся техник. Двое бойцов наблюдали за его работой. Багги был покрыт засохшей грязью и царапинами, видимо, его только что вернули с выезда.

Слева, в углу, за прозрачной перегородкой, шло занятие на тренажёре. Я не сразу понял, что это именно тренажёр. Просто какая-то кабина. Она была почти точной копией штурмового шаттла, только без крыльев. Внутри горел свет, и кто-то сидел за штурвалом, отрабатывая манёвры. Инструктор, стоявший рядом с перегородкой, комментировал действия пилота через микрофон, и его голос разносился по ангару, перекрывая гул вентиляции.

Над головой, под куполом, проходили рельсовые пути, по которым скользили грузовые платформы. Одна из них как раз спускала сверху тяжёлый двигательный блок в защитном кожухе. Видимо, для той самой брони, что стояла у входа.

Запахи витали самые что ни на есть мужские: металл, машинное масло, озон от работающих двигателей, смешиваясь в тяжёлый, густой воздух. В дальнем конце ангара, за рядом колонн, виднелись ещё какие-то машины, прикрытые чехлами, но разглядеть их не получилось.

— Охренеть, — прошептал Мишка, задрал голову.

— Шевелитесь! — гаркнул встречающий, и мы поспешили за ним, лавируя между машинами и уворачиваясь от пробежавших мимо бойцов.

Мы вышли в узкий коридор, по обеим сторонам которого располагались шлюзовые двери. Впереди, из одной такой вывалилась группа молодых курсантов, и они с хохотом умчались куда-то вглубь. А вскоре их голоса исчезли за очередной дверью. Мимо, навстречу прошёл ещё один человек в форме, и наш сопровождающий тут вытянулся в струнку, бросая ладонь к козырьку кепки. Мужчина отреагировал тем же жестом, но как-то небрежно, из чего я сделал вывод, что он старше по званию.

Нас завели в медицинский отсек. Мне не требовалось объяснений, я понял это по витающим в атмосфере запахам. Но то, что предстало моему взору, очень сильно отличалось от всего, что я видел раньше. Понятно, что в нашей колонии о современной медицине и речи не было, но здешняя отличалась от интернатовской так же, как плюшевая игрушка от танка. В том смысле, что здесь было всё. Я бы не удивился, даже если бы увидел, как при помощи этой техники выра-

щивают нового солдата из оторванной головы.

Да, я знал, что у военных в корпорации всё самое лучшее. Порой их оборудование даже превосходило то, чем пользовались люди из совета директоров. Но одно дело знать, и совсем другое — увидеть воочию.

Мишку тут же взяли в оборот и направили на обследование. Нас предупредили, чтобы мы не переживали за товарища и что вскоре он к нам присоединится, но уже отремонтированный. Затем нас распахали по диагностическим капсулам для обследования.

Много времени это не заняло, а весь дальнейший процесс практически полностью походил на то, как нас заселяли в интернат. Единственным отличием было то, что в казармах стояли двухъярусные койки вместо привычных кроватей.

А вот отношение к нам сильно отличалось от интернатского. Если там нас ни во что ни ставили, то здесь чувствовалось, что мы попали в команду, даже некое братство. Встречные ребята и девчонки приветствовали нас, засыпая различными вопросами: откуда мы, как зовут, чем увлекаемся и кем хотим стать. Честно говоря, это даже немного пугало. Ну не привыкли мы к подобному отношению.

После обеда у нас состоялась первая строевая, где лейтенант Осипов заставил нас смущённо смотреть в пол. Широкоплечий, подтянутый, он вышел перед строем и заставил нашу команду сделать шаг вперёд.

— Знакомьтесь. — Он обвёл нас рукой. — Новые курсан-

ты, которых мы с гордостью зачислили сразу на второй курс. Единственный случай в истории нашей академии, когда кандидаты сдали выпускной экзамен до того, как их приняли на обучение. Встать в строй!

Мы шагнули назад, и лейтенант продолжил:

— Итак, в этом году вам предстоит определиться с профессиями. Каждый из вас либо сформирует собственную команду, либо войдёт в её состав. Далее все ваши тренировки будут проходить тем составом, который определится в ходе обучения. И снова исключение: новенькие. Они уже определились как с профессиями, так и с составом.

— Что-то он часто повторяется, — шепнул мне в ухо Санёк. — Определиться да определиться...

— Замотаев! — рявкнул лейтенант.

— Я! — бодро выкрикнул приятель.

— Головка от... Кхе-кхе, у тебя есть что добавить?

— Да я это...

— Выйти из строя!

Санёк сделал шаг вперёд.

— Курсанты, упор лёжа принять! — рявкнул лейтенант.

— Замотаев, тебя это не касается.

Санёк замер в недоумении, глядя на то, как все вокруг улеглись на пол и поднялись на руках.

— Взвод, пятьдесят отжиманий!

Все вокруг запыхтели, и только Санёк стоял и смотрел на то, как мы отжимаемся. Очень грамотное воспитание кол-

лективного духа. Теперь приятелю точно достанется, но не от командира. Ребята сами объяснят ему правила поведения.

Так и случилось немногим позже.

Когда взвод завершил упражнение и построился в первоначальную шеренгу, лейтенант ещё немного поговорил с нами, а затем отпустил. Ну как отпустил... отправил на дальнейшее обучение. Мы выбрались в коридор и втянулись в соседнюю дверь, которая находилась напротив.

Здесь располагался спортивный зал, обустроенный по последнему слову техники. Всё что только можно и даже невозможно себе представить, тут уже было. Тренажерный зал, груши и макивары, какие-то виртуальные симуляторы боя.

Зал встретил нас прохладой и гулом вентиляции. Он был чуть меньше ангара, который мы миновали раньше, но всё равно огромный. Метров десять под потолком, не меньше. Свет здесь был искусственный, ровный, без теней, как в операционной. Упругий пол, гасящий шаги, с разметкой для спаррингов и зон отработки.

Тренажёры стояли рядами вдоль стен. Я разглядел классические силовые, для жима, тяги, приседаний, но все они были с магнитным сопротивлением вместо блинов. Никакого лязга, только мягкое гудение. Дальше, в отдельной зоне, висели груши: обычные, каплевидные и ещё какие-то плоские, явно для отработки серий. Макивары — несколько рядов металлических стоек с подпружиненными «головами», которые возвращались на место после каждого удара. На всех

виднелись вмятины и потёртости, говорящие том, что инвентарь не простаивает без дела.

В дальнем углу, за прозрачной перегородкой, шла отработка рукопашного боя. Двое без защитного снаряжения, только в лёгких перчатках, кружили по матам. Инструктор, тот самый коренастый сержант, которого я видел в ангаре, сидел на стуле у края и периодически вмешивался в ход сватки.

Запах здесь был другой. Не машинное масло, а разогретый пластик, кожа снарядов с лёгким оттенком дезинфектанта. Всё блестело, всё работало. Я невольно сравнил этот зал с тем, что был в интернате. Михалыч, конечно, выжимал максимум из того, что имел, но здесь... В общем, я был счастлив.

Не успели мы как следует осмотреться, как к нас окружили одноклассники. Меня с Дашкой оттеснили в сторону, а трое, видимо, старших, хоть и не по возрасту, подошли к Саньку.

— Замотаев, теперь ты нам должен, — заговорил один из них.

— В смысле? — опешил Санёк и принялся озираться в поисках поддержки.

— Да не бойся, — улыбнулся говорун, — никто тебя не тронет. Я просто хочу объяснить тебе правила. Просто хочу, чтобы ты понял. У нас за любую провинность страдает взвод. Тот, кто накосячил, наказания не получает. Ты новичок, поэтому на первый раз мы тебя прощаем. Но в следующий бу-

дешь отрабатывать за каждого из нас. Понимаешь, о чём я?

— Не совсем, — покачал головой приятель.

— В общем, смотри. В нашей группе тридцать человек, и каждому из нас ты должен пятьдесят отжиманий на кулаках. Сколько это у нас получается?

— Полторы тысячи, — охотно ответила девчонка из троицы подошедших, и я невольно на неё засмотрелся.

Крохотный вздёрнутый носик, крупные глаза, правильный овал лица и крепкие, жилистые руки. Но больше всего меня зацепили её волосы, которые она заплетала в тугую косу, спадающую до самой поясницы. Выглядела она очень классно и дерзко.

— Так вот, Замотаев, — продолжил вожак, — ты должен нам полторы тысячи отжиманий. Но, как я уже сказал, раз ты новенький, то на первый раз мы тебя прощаем. И не думай, что это какое-то предвзятое отношение именно к тебе. Просто у нас так принято.

— Да расслабься, — хохотнула дерзкая девчонка и приложила Саню ладонью по спине.

Приятель, видимо, не ожидал, что она окажется настолько сильной, и по инерции шагнул вперёд. На этом конфликт был исчерпан. Никто нам не угрожал и всё было исполнено так, что мы одним разом усвоили внутренние правила. Это было так не похоже на то, что происходило в интернате, что я даже не подумал заступиться за друга. Впрочем, угрозы в его адрес и не было.

Вскоре явился тренер, и после короткого знакомства у нас началась разминка. Для меня она прошла незаметно, даже как следует вспотеть не успел. И это несмотря на то, что здешняя гравитация равнялась двум G. А вот мои друзья сдулись буквально в самом начале. Но всё равно упорно продолжали выполнять всё, что от них требовал Сергей Сергеевич. Так представился нам наш инструктор по рукопашному бою.

Когда с разминкой было покончено, он поделил нас на две группы. Одних определил на общую физподготовку, под присмотром старосты класса. И я нисколько не удивился, что им оказался тот самый парень, который объяснял правила поведения нашему Саньку. Остальных, самых выносливых, тренер выстроил полукругом и начал выяснять, кто каким видом спорта занимался.

Итого наша группа насчитывала десятерых бойцов и трёх легкоатлетов. Последних Сергей Сергеевич отправил под надзор к старосте. А оставшихся, поделил на пары и начал по очереди вызывать на спарринг.

Мне в пару попала та самая девчонка, на которую я всё время невольно косился. Её звали Карина. Она родилась и выросла в семье военных, а потому не видела для себя иного пути. Единоборствами занималась с пяти лет и достигла немалых высот. По крайней мере, на домашних планетарных соревнованиях всегда занимала первое место. Ну, так она рассказала тренеру, когда он задавал нам вопросы. Ах

да, на «Монолите» она жила уже второй год и успела пройти какую-то процедуру улучшения. Что бы это ни значило.

Как я понял, весь наш взвод считался второкурсниками.

Наш с Кариной бой назначили вторым. Я встал напротив неё и сразу понял, что бой будет недолгим. Она просто стояла, расслабленно опустив руки, и смотрела на меня. В её глазах не было ни страха, ни азарта, ни даже любопытства. Только спокойная уверенность. Так смотрит человек, который точно знает, чем всё закончится.

Сергей Сергеевич дал отмашку.

Я сделал шаг вперёд, и... Карина исчезла. Не в переносном смысле. Я натурально не понял, куда она делась. Только что стояла напротив, а в следующую секунду моя голова дёрнулась в сторону от удара, которого я не заметил. Кажется, это был боковой в челюсть? Хотя нет, это даже ударом нельзя было назвать. Она не била, она просто его обозначала. Её перчатка коснулась моего виска так легко, что я даже не сразу понял, что уже пропустил.

Я разорвал дистанцию. Она не преследовала. Расслабленно замерла в прежней стойке и ждала. Никакой агрессии, никакой спешки.

Я попробовал атаковать. Двойка прямых — левый-правый — и короткий хук слева. Она ушла, свободно и непринуждённо пропуская кулаки мимо, словно сквозь воду. Я добавил лоу-кик, а она просто с эдакой ленцой убрала ногу, и мой удар рассёк воздух. Я попытался достать её прямым в

корпус, но она мягко отбила мою руку предплечьем и ушла в сторону, даже не запыхавшись.

Я шагнул вперёд, и девушка снова исчезла из поля зрения. В следующее мгновение её нога уже стояла у меня на бедре. Она не ударила, просто поставила подошву и тут же убрала. Вложи она чуть больше силы, я бы рухнул на колени. Это был второй пропущенный.

Я попытался перейти в борьбу, сократить дистанцию, навязать партер. Она позволила мне подойти, а затем ушла, прокрутившись вокруг своей оси так быстро, что моя попытка захвата закончилась пустотой. И тут же — хлопок по затылку. Третий пропущенный. Я даже не понял, как она оказалась у меня за спиной.

— Достаточно, — произнёс тренер.

Я стоял, тяжело дыша, и смотрел на Карину. Она не запыхалась. Она вообще не выглядела так, будто только что провела спарринг. Её коса свободно покачивалась за спиной, а на лице красовалась милая улыбка.

— Хорошая скорость, — сказал ей Сергей Сергеевич. — Но ты опять играешь. Не играй, работай.

Она кивнула. На этот раз без улыбки, без самодовольства. Просто приняла к сведению.

— Горячев. — Тренер повернулся ко мне. — Ты дерёшься, как шахтёр. Сильно, но предсказуемо. Впрочем, чего ещё ждать от спортивного тренера. Ладно, не расстраивайся, Карина у нас лучшая в классе. Не будешь лениться — через

пару годков догонишь её.

Я вернулся в строй и поймал на себе косой взгляд Дашки. Она видела всё и уверен, уже анализировала. Санёк, кажется, хотел что-то сказать, но осёкся. А Карина уже смотрела в другую сторону, на следующую пару, которую вызывал тренер.

Хотя я и расстроился, но при этом не злился. Я запомнил и изучал всё, что происходит вокруг, а ещё продолжал бросать косые взгляды на Карину. Её скорость — это не магия. Это техника. И если ей удалось достичь такого здесь, на «Монолите», значит, и я смогу.

После спарринга нас ещё немного погоняли. Сергей Сергеевич разбил взвод на тройки и заставил отрабатывать связки. В основном простые, базовые: двойка прямых, уклон, контратака. Мне в тройку попали Санёк и Карина. Та самая Карина, которая едва не сделала из меня отбивную. И ведь могла бы, если захотела.

Теперь она работала в паре с Саньком. Мягко, терпеливо, но без скидок. Поправляла стойку, показывала, как правильно доворачивать корпус, и ни разу не повысила голоса.

Санёк старался изо всех сил, и к концу тренировки у него даже начало получаться. Я же ловил себя на том, что смотрю не на технику приятеля, а на то, как двигается девушка. Чётко, скупно, грациозно, будто пантера перед броском на жертву. Ни одного лишнего движения. На меня она тоже обращала внимание, в смысле занятий. Но так как у меня уже имел-

ся какой-то опыт, а Санёк был полным нулём, то и основное время Карина проводила подле него.

Потом был ужин. Не белковые заменители из интернатской столовой, а настоящая еда. Мясо, овощи, хлеб. Мы набрали полные подносы и уселись в углу, за свободный стол. Мишка всё ещё отсутствовал, его так и держали в медблоке. Дашка несколько раз порывалась пойти и узнать, как он там, но её не пустили. Пришлось довольствоваться коротким сообщением: «Всё нормально, завтра буду». Мы переглянулись и молча приняли это. Завтра — значит завтра.

После ужина нас ждала казарма. Двухъярусные койки, тумбочки, шкафчики для личных вещей. Всё как в интернате, только чище и как-то... правильнее, что ли? Каждая койка заправлена, каждый шкафчик подписан. На наших уже висели бирки с фамилиями. Я занял верхнюю полку, Санёк — нижнюю. Дашка, как единственная девчонка в нашей группе, отправилась в женский сектор, и мы договорились встретиться утром.

Соседи по казарме оказались ребятами разговорчивыми. Староста, тот самый парень, что объяснял Саньку правила, представился Димоном и ещё раз, уже без формальностей, рассказал, как тут всё устроено. Когда отбой, когда подъём, где взять чистую форму, кому жаловаться, если что-то сломается... В общем, всякие мелочи и нюансы. Говорил он спокойно, без пафоса, и в его голосе не было ни капли превосходства. Просто старший товарищ объясняет младшим,

как не накосячить.

Санёк, утомлённый тренировкой и впечатлениями, отрубился первым. Я ещё долго лежал, глядя в потолок, и прокручивал в голове события дня. Лес за периметром. Тяжёлое небо. Боевая броня в ангаре. Карина, которая исчезала быстрее, чем я успевал моргнуть, а потом спокойно, по-свойски, терпеливо учила Санька держать стойку.

Странное чувство. Кажется, впервые за долгое время я был на своём месте.

Где-то в глубине базы мерно гудели генераторы. За стеной кто-то смеялся, но быстро стих. Свет погас, оставив только тусклые аварийные полосы вдоль прохода.

Я закрыл глаза и провалился в сон без сновидений. Первый день на «Монолите» закончился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.